

FRATERNIZATION IN THE 8TH ARMY OF THE SOUTH-WESTERN FRONT IN MARCH-AUGUST 1917

© 2019

Kuritsyn Sergey Vladimirovich, postgraduate student of Center for Military History of Russia
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Abstract. This paper attempts to explore specifics of fraternization in one of the most efficient armies of the Eastern European Theater during the First World War – the 8th army of the South-Western front. The election of this chronological framework – spring-summer 1917 – was due to the fact that it was during this period of fraternization and its close forms when soldiers of the opposing armies were unprecedentedly widespread on the Russian front in general and in the 8th army in particular. This was due to the fact that after the fall of the monarchy in Russia, the soldiers masses wanted to put an end to the war. Fraternization at the front became possible due to the weakening of the power of the command staff in the conditions of the revolution. The paper presents the facts of the Austro-German side interest in fraternization development, as well as the measures taken by the command of the Russian army and the soldiers' committees to stop fraternization. It should be noted that for most Russian soldiers fraternization was of great interest because it allowed them to barter with the military forces of the Quadruple Alliance, which had an opportunity to obtain bread in exchange for any things or alcohol.

Keywords: World war I; Eastern European theatre; South-Western front; 8th army; corps; division; regiment; contacts with enemy; fraternization; sending of parliamentarians; February revolution; decomposition of army; propaganda; separate world; proclamations; Newspapers; intelligence; barter; alcohol.

УДК 93/94

DOI 10.24411/2309-4370-2019-11209

Статья поступила в редакцию 16.01.2019

СУДЬБЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ НА СЛОМЕ ЭПОХ (1917–1927 ГОДЫ)

© 2019

Татаренкова Наталия Андреевна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества
Самарский государственный технический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сохранения объектов истории и культуры России в условиях 1917–1927 гг. Анализируются противоречивые процессы в культурной жизни советского государства в первое послереволюционное десятилетие. На основе архивных источников показывается деятельность отделов охраны памятников искусства и старины. На примере ряда губерний описывается проведение первой государственной описи художественно-исторических ценностей, трудности в реализации политики их охраны. Приводятся примеры разгрома дворянских усадеб. Подчеркивается роль творческой интеллигенции в спасении и музеефикации культурных ценностей. Даются характеристики ряда музейных деятелей обозначенной эпохи; подчеркивается, что они смогли в определенной степени «скорректировать» революционный нигилизм по отношению к культурному наследию, который проявлялся в деятельности новых органов власти. Указывается, что 1920-е годы стали «золотым веком» в истории музейного дела. В этот период музеи страны пополнились предметами искусства и старины из государственных и частных хранилищ. Делается вывод, что музеефикация церковных зданий и предметов богослужебного культа была способом спасти их от полной гибели. Автором вводятся в научный оборот новые материалы, почерпнутые в центральных и областных архивах Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная опись; Государственный музейный фонд; губернский отдел народного образования; дворянская усадьба; культура; культурное наследие; музей; музейная политика; музеефикация; Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения; преемственность; революционный нигилизм; художественная интеллигенция; художественные ценности.

В 1917–1927 гг. Россия переживала сложный период смены парадигмы общественно-политического и экономического развития, что не могло не отразиться на сфере культуры. Страна обладала богатейшим культурным наследием, судьбы которого зависели от проводимой новой властью политики по отношению к художественно-историческим ценностям, позиции интеллигенции и главного «творца» всех изменений – рабоче-крестьянских масс. Изучение этой проблемы представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет проанализировать противоречивые процессы в культурной жизни советского государства в обозначенный период. Данная тема является актуальной, так как всегда важной остается

проблема преемственности и новаций в ее развитии, отношения к памятникам истории и культуры. Формирование этого отношения закладывалось в первые послереволюционные годы.

В данном исследовании ставится цель проанализировать деятельность центральных и местных органов охраны памятников искусства и старины в 1917–1927 гг. На основе архивных и иных источников решаются такие задачи, как рассмотрение проведения первой государственной описи художественно-исторических ценностей, трудностей в реализации политики их охраны, роли творческой интеллигенции в спасении и музеефикации художественно-исторических ценностей.

Государственную политику по отношению к культурному наследию в этот период проводил Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейный отдел) Народного комиссариата просвещения под руководством Н.И. Троцкой, о чем шла речь в ряде наших публикаций [1, с. 208–209; 2, с. 178]. Он являлся центральным правительственным органом, в котором было сосредоточено дело учета и охраны всех художественно-исторических сокровищ страны. В те регионы, где предполагалось наличие памятников искусства и старины, Отдел направлял своих сотрудников, которые в контакте с местными Советами проводили регистрацию памятников, определяли степень их художественной ценности, а также принимали необходимые меры по их охране, вывозя в особые государственные хранилища или оставляя на местах под ответственность местных Советов [3, л. 30].

Местные органы власти в течение 1918–1920 гг. развернули активную деятельность по первой государственной описи памятников истории и культуры. Обычно она начиналась с принятия соответствующего постановления. Например, 7 декабря 1918 г. коллегия Самарского губернского отдела народного образования учредила Музейную комиссию, которой предоставила право контроля учреждений, ведающих предметами искусства, имеющими музейную ценность. В постановлении об этом она записала: «Предметы искусства, музейные ценности, а также памятники старины передать в распоряжение губернского отдела народного образования. Губоно концентрирует в себе всю деятельность по охране культурных ценностей в губернии и оставляет за собой право распределения культурных богатств» [4, л. 3].

Алтайский губернский отдел народного образования в 1920 г. принял постановление о первой государственной регистрации предметов искусства и старины. В нем говорилось о том, что секция охраны памятников искусства и старины с целью сохранения, изучения и ознакомления широких масс с культурным наследием Сибири берет на учет все памятники древности, коллекции и отдельные предметы. В соответствии с этим решением на государственный учет ставились картины, скульптуры, гравюры, старинные иконы, книги, рукописи, старинная мебель, фарфоровые и бронзовые изделия, а также старинные церкви, часовни, дома, курганы, могильники и др. [5, с. 75–76].

Екатеринбургский губисполком в июне 1920 г. в аналогичном постановлении запретил гражданам без разрешения музейной секции губоно покупать или продавать предметы, имеющие художественную ценность, и обязал все лица и учреждения, располагающие таковыми, предоставить сведения на предмет их осмотра и регистрации [6, с. 114–115].

Трудности в реализации политики охраны культурных ценностей проявились сразу и часто были связаны с тем, что владельцы художественных коллекций скрывали их, саботировали декрет Совнаркома о регистрации и постановке на учет памятников искусства и старины [3, л. 72–72 об.].

В сентябре 1918 г. Наркомпрос признавал, что нередко были случаи, когда не только провинциальные, но и Московский Совет противодействовали со-

трудникам Музейного отдела. Так, осенью 1918 г. в Рогожско-Симоновском районе Москвы имелась уникальная библиотека, содержащая книги на иностранных языках, и богатое собрание картин. Однако Рогожско-Симоновский Совет не давал работникам Музейного отдела вывезти библиотеку и картины в Государственный музейный и библиотечный фонды. Свои действия Совет обосновывал тем, что планирует создать районные библиотеку и музей. Наркомпрос же требовал от него выполнения общей музейной политики, которую он проводил в общегосударственном масштабе [3, л. 30 об.].

Нарком просвещения А.В. Луначарский, давая оценку работе Музейного отдела в первые послереволюционные годы, считал клеветой статьи в американских газетах, обвиняющие советскую власть в вандализме по отношению к музеям, дворцам, бывшим помещичьим имениям и церквям. Он отвергал эти обвинения, подчеркивая: «...мы совершили чудеса в деле охраны таких памятников». А.В. Луначарский при этом признавал, что в годы революционных восстаний и боев погибли отдельные художественные ценности. Он объяснял это тем, что «такое великое потрясение, как революция, не может не сопровождаться отдельными эксцессами...» Нарком просвещения подчеркивал, что всякий честный человек должен будет отдать дань уважения тем колоссальным усилиям, которые предпринимались не только в Петербурге и Москве, но и в провинции Отделом охраны памятников по спасению объектов старины и произведений искусства [7, с. 483, 491].

Многим современным исследователям, в отличие от А.В. Луначарского, разгром дворянских усадеб, последовавший после революции 1917 г., видится «культурной трагедией России в чрезвычайно широких масштабах» [8; 9, с. 7]. С этим мнением трудно не согласиться, поскольку утраты историко-художественного наследия поистине невосполнимы, поступления в Государственный музейный фонд составили не более 5–6 процентов от всей массы национализированных ценностей [10]. И это не «отдельные эксцессы», как считал А.В. Луначарский. Исследователи признают, что объекты культурного наследия не были целью вандализма крестьян, что «даже сразу после большевистского переворота местное население не нанесло значительного ущерба провинциальным и столичным усадьбам» [10], их ценности были реквизированы на этапе национализации. «Именно в процессе планомерной «законной» ликвидации имений, проводимой новой властью с весны 1918 г., и была уничтожена значительная часть культурного наследия, до того собранная и сохранявшаяся крестьянами во многих усадьбах» [8].

Материалы российских архивов подтверждают такой вывод. Так, в 1918 г. Земельный отдел Мологского исполкома Ярославской губернии взял на учет четыре крупных имения, принадлежащих князю Куракину и Мусину-Пушкину. Однако их имущество оказалось расхищенным не кем иным, как комиссаром имений «Андреевское» и «Мурзино» Владимиром Ивановичем Ваньковичем. В Мологу для ознакомления с работой большевистских партийных структур в январе 1919 г. приезжал представитель центра К.Я. Берзин, который в своем докладе о по-

ездке сообщал, что В.И. Ванькович исключен из партии и арестован. В обвинительном заключении по его делу в декабре 1918 г. говорилось, что В.И. Ванькович смотрел на свою должность комиссара как на промысел, посредством которого возможно неплохо обставить свою жизнь и забывал, что он – представитель власти, цель которой – разумно использовать народные богатства в интересах народа. В этом документе подчеркивалось, что колеблющиеся массы обрушиваются на существующую власть, представителем которой являются подобного рода дельцы, так как не разделяют одно от другого. В.И. Ваньковичу было предъявлено обвинение в хищении имущества, которое ему, как комиссару, было поручено охранять, а также в злоупотреблении властью, данной для сохранения народного достояния [11, л. 115]. Это лишь один пример того, как некоторые представители новой власти на деле «исполняли» декреты о приеме на учет и охране объектов культурного наследия.

С картиной разгрома помещичьих усадеб столкнулся и эмиссар Главного музейного управления Александр Виссарионович Китаев. Он был выходцем из крестьянской семьи Самарской губернии, в 1906–1911 гг. учился в художественной школе в Казани, где в числе его педагогов был Н.И. Фешин, знаменитый в будущем российский и американский живописец. В 1921 г. А.В. Китаева командировали для обследования музеев и усадеб в Гжатский и Юхновский уезды Смоленской губернии. Он составил акты о разгроме имений Гжатского уезда и проанализировал главные причины плохого состояния памятников искусства и старины. К ним он отнес неоднократный переход имений из подчинения одной организации другой, частую смену их руководителей, недостаточную заинтересованность и компетентность лиц, которым поручалась непосредственная охрана ценностей, отсутствие строгой научно-технической системы (неточность и неполнота описей), недостаток средств, отсутствие регулярной связи с соответствующими вышестоящими органами. А.В. Китаев после завершения своей миссии пришел к выводу: «Промедление смерти подобно. Если не взяться теперь же горячо за работу по организации реального учета и реальной охраны ценностей на местах, через два года от имений, кроме жалких развалин, никаких памятников не останется. Необходимо взять на учет не только памятники искусства и старины, но и наши ошибки, наши промахи в системе учета и охраны и в ее осуществлении» [12, л. 164]. Это был «крик души» всей творческой интеллигенции страны, которая считала себя ответственной за судьбы культурного наследия.

Тем не менее 1920-е годы стали «золотым веком» в истории музейного дела. В этот период благодаря усилиям художественной интеллигенции в музеи страны буквально потоком хлынули предметы искусства и старины из государственных и частных хранилищ. Многие музейные работники были преисполнены чувства особой миссии, выпавшей на их долю. Это прослеживается по множеству документов, в которых звучит неподдельный пафос. Например, заведующий музейным отделом Владимирского губоно Алексей Иванович Иванов в своем выступле-

нии на съезде руководителей музейного дела губернии в 1919 г. говорил: «Только через вдумчивое проникновение в родное прошлое, через постоянное приобщение к тому, что уже создано на протяжении веков русским народным гением, мы сумеем выковать для нашего народа счастливое будущее, и нет поэтому более достойной русского гражданина задачи как забота об охране и изучении родной старины» [13, л. 35 об.].

Личность А.И. Иванова весьма интересна, хотя и не совсем типична для музейных деятелей российской провинции 1920-х гг. Он родился в крестьянской семье в 1890 г. во Владимирской губернии, окончил Владимирскую духовную семинарию и Петроградскую духовную академию, преподавал на одной из ее кафедр, где получил степень кандидата богословия, владел греческим, латинским и современными европейскими языками. Впоследствии А.И. Иванов занимался научной работой в Константинополе, в 1917 г. закончил Петроградский историко-археологический институт. С 1918 г. он преподавал историю, в том числе и историю Византии в различных светских вузах страны в качестве доцента, а затем и профессора. В 1919–1930-х гг. А.И. Иванов совмещал педагогическую деятельность с руководством областным Государственным музеем во Владимире и Комиссией по охране памятников искусства и старины [14].

Владимирской губернии с ее памятниками церковной старины явно повезло, что во главе музейного дела оказался человек, корнями связанный с ней и получивший высшее богословское образование еще до 1917 г. Он, как никто другой, понимал значение памятников православия и необходимость бережного к ним отношения. Несомненно, что благодаря усилиям А.И. Иванова и десяткам таких же подвижников российской науки и культуры были спасены и сохранены многие художественно-исторические ценности. Так, в мае 1918 г. во Владимирской губернии были приняты под охрану государства Золотые ворота, запряжен проезд экипажей под аркой ворот, в январе 1919 г. – Дмитриевский собор, в марте 1919 г. – церковь Покрова на Нерли и Палаты Андрея Боголюбского. В 1919 г. Владимирский государственный музей пополнился новыми коллекциями церковных древностей из ризниц Дмитриевского и Успенского соборов, ценных рукописей и старопечатных книг [13, л. 11 об., 37]. Эти меры позволили сберечь выдающиеся памятники истории и культуры, и поныне составляющие ее «золотой фонд». В условиях поднявшейся «атеистической волны» музеефикация церковных зданий и предметов богослужебного культа была, пожалуй, единственно возможным способом спасти их от полной гибели.

Во Владимирской губернии в 1920-е гг. был еще один интересный музейный деятель – Неофит Владимирович Малицкий, который являлся заведующим Владимирским историческим музеем. Он также закончил Санкт-Петербургскую духовную академию и Петроградский историко-археологический институт, был назначен преподавателем церковной истории Владимирской духовной семинарии, владел французским, немецким, английским и польским языками, с 1913 г. являлся статским советником. Еще до

революции 1917 г. Н.В. Малицкий проявил себя как основатель архивного дела во Владимирской губернии и автор научных трудов по истории Владимирской и Суздальской духовных семинарий.

После 1917 г. Н.В. Малицкий активно включился в деятельность Владимирской комиссии по охране памятников искусства и старины, занимался музейным и экскурсионным делом. Он явился создателем и руководителем губернского краеведческого общества [15]. В своем выступлении на губернском съезде музейных работников в 1919 г., о котором речь шла выше, Н.В. Малицкий отмечал рост культурных запросов простых людей: «... народ интересуется предметами художественной старины, ищет эстетических впечатлений» [13, л. 39]. В итоге съезд постановил, что каждый музейный подотдел должен создать кружок взрослых или учащихся для изучения памятников искусства и старины, распространять в массе населения сведения об их значении в печати и воззваниях [13, л. 43]. Как видим, Н.В. Малицкий следовал этим решениям.

К сожалению, Н.В. Малицкого постигла судьба многих представителей старой дореволюционной интеллигенции. В 1931 г. Неофит Владимирович был обвинен в том, что создал во Владимире «контрреволюционную краеведческую группировку» и «направлял деятельность Владимирского краеведческого общества на изучение вопросов, не имеющих актуального значения для текущего социалистического строительства». Особое совещание при ОГПУ приговорило Н.В. Малицкого к высылке на Урал. Он был реабилитирован только в 1989 г. [15].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в первое послереволюционное десятилетие новая власть в решении культурно-просветительных задач опиралась на высокообразованную интеллигенцию царской России, поскольку у нее еще не было своих подготовленных кадров. И эта интеллигенция смогла в определенной степени «скорректировать» революционный нигилизм по отношению к культурному наследию, который проявлялся в деятельности многих партийных, советских работников и представителей так называемой «пролетарской культуры».

Таким образом, в первые годы советской власти произошли прогрессивные изменения в организации учета и охраны культурного наследия России, но вместе с тем в этот период имели место и его значительные утраты. Позиция интеллигенции, проявившаяся в сотрудничестве с новой властью в деле сохранения художественно-исторических ценностей, способствовала тому, чтобы минимизировать эти потери.

THE FATE OF CULTURAL AND HISTORICAL VALUES OF RUSSIA AT THE CROSSROADS OF ERAS (1917–1927)

© 2019

Tatarenkova Natalia Andreevna, candidate of historical sciences,
associate professor of Sociology, Political Science and History of Russia Department
Samara State Technical University (Samara, Russian Federation)

Список литературы:

1. Татаренкова Н.А. Провинциальные музеи России в 1917–1927 гг. // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 207–221.
2. Татаренкова Н.А. Революция 1917 г. и становление охраны памятников истории и культуры в российской провинции // Человек и общество в условиях войн и революций: мат-лы III всерос. науч. конф. (8–9 декабря 2016 г.). Вып. 3 / под ред. Е.Ю. Семеновой; ред. кол.: А.Б. Бирюкова, А.В. Богачев, С.Ю. Митрофанова. Самара: Самарский гос. техн. ун-т, 2016. С. 177–183.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 28. Д. 2.
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 5.
5. Культурное строительство на Алтае, 1917–1941. Документы и материалы. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1980. 360 с.
6. Культурное строительство на Среднем Урале, 1917–1941. Сборник документов. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1984. 384 с.
7. Луначарский А.В. Советская власть и памятники старины // Луначарский А.В. Статьи об искусстве. М.-Л.: Искусство. 1941. С. 483–484.
8. Рассказова Л.В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2 (15). С. 44–49.
9. Рузвельт П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 // Русская усадьба: сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 15 (31). М.: Улей, 2009. С. 7–24.
10. Мосякин А. Антикварный экспортный фонд: Антология документов и фактов (Государственная распродажа национальных сокровищ искусства России в 1917–1934 гг. Экономические, культурные и моральные аспекты проблемы) // Наше наследие. 1991. № 20. С. 29–41.
11. Филиал ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» – Центр документации новейшей истории (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 29.
12. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 41.
13. Государственный архив Владимирской области (ГВАО). Ф. 1045. Оп. 1. Д. 20.
14. Вронский В. Профессор Алексей Иванович Иванов // Журнал Московской патриархии. 1977. № 11. С. 25–26.
15. Маслаков В.И. Н.В. Малицкий – первый руководитель архивной службы Владимирской губернии // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 3–7.

Abstract. The paper deals with the problems of preserving objects of Russian history and culture in 1917–1927. The author analyzes contradictory processes in the cultural life of the Soviet state in the first post-revolutionary decade. Based on archival sources, she shows the activities of the departments for protection of art monuments and antiques, the role of creative intelligentsia in saving and museumification of cultural and historical values. For example, she describes the first state inventory of art and historical values, as well as realization difficulties of their protection policy in some provinces. There are also some wreck and ruin examples of nobility's country estates. The author em-

phasizes the role of creative intelligentsia in saving and museumification of cultural values and characterizes some cultural workers of the designated era accentuating that they «have corrected», to a certain extent, revolutionary nihilism of the authorities concerning the cultural heritage. Due to this fact, the 1920s became the «Golden age» in the history of museum business. During this period, public and private repositories replenished country's museums with works of art and antiquities. The author concludes that the museumification of Church buildings and objects relating to divine worship was a way to save them for total destruction. The author uses new dates, gathered in the central and regional archives of Russian Federation.

Keywords: state inventory; state museum fund; provincial department of national education; noble country estate; culture; cultural heritage; museum; museumification; museum policy; Department of Museums and Art and Antiques Protection by People's Education Commissariat; continuity; revolutionary nihilism; art intelligentsia; art values.

УДК 94(47).084.6

DOI 10.24411/2309-4370-2019-11210

Статья поступила в редакцию 14.09.2018

СОРНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, БОЛЕЗНИ И ВРЕДИТЕЛИ КАК ФАКТОРЫ ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ

© 2019

Назаренко Назар Николаевич, доктор биологических наук,
профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(г. Челябинск, Российская Федерация)
Башкин Анатолий Викторович, координатор
Проект «Исторические материалы» (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. Сложившаяся к середине 20-х годов XX века в СССР система землепользования (индивидуальное землепользование при традиционном ведении земледелия), монокультуры и низкий уровень агротехники и химизации сельского хозяйства привели к чрезвычайному засорению полей и широкому развитию фитопатологических инфекций и вредителей сельскохозяйственных культур. Несмотря на организацию крупных хозяйств и попытку устранить отсталость агротехники, производство зерна в СССР было запрограммировано на массовую вспышку сорной растительности, вредителей и болезней, что и произошло в 1932 году во всех основных зернопроизводящих регионах СССР. В результате катастрофических эпифитотий и эпизоотий сорной растительности, нескольких групп вредителей и грибковых болезней сельскохозяйственных культур 1932 года в зернопроизводящих районах СССР наблюдались катастрофические потери урожая. Из-за поражения грибковыми инфекциями и сорной растительностью отмечался высочайший уровень заражения и засоренности зерна, а также значительное ухудшение его качества. От четверти до половины валового сбора урожая зерновых 1932 года было засоренным и крайне низкого качества. В зернопроизводящих регионах от 30 до 70% зерна было непригодным для использования в качестве продовольственного. Наиболее пострадавшими оказались основные зернопроизводящие регионы – Украина и Северный Кавказ, где наблюдалась наибольшая смертность в 1933 году. Таким образом, сорная растительность, болезни и вредители сельскохозяйственных культур являются одним из ведущих факторов неурожая, плохого качества зерна и голода 1932–1933 годов. Однако, несмотря на чрезвычайно сильную зараженность зерна урожая 1932 года грибковыми спорами, высокая смертность от массовых случаев отравления спорами грибковых заболеваний зерновых не подтверждается.

Ключевые слова: голод 1932–1933 годов; сорная растительность; грибковые заболевания сельскохозяйственных культур; вредители сельскохозяйственных культур; эпифитотии и эпизоотии 1930-х годов; фитопатология; зараженность зерна; качество зерна; пищевые отравления и смертность; сельскохозяйственный кризис 1930-х годов.

Рассматривая катастрофические явления в сельском хозяйстве, приведшие к голоду 1932–1933 года, подавляющее большинство специалистов в качестве факторов голода указывает преимущественно социально-политические и организационно-хозяйственные причины (раскулачивание, коллективизация, хлебозаготовительная политика и т.п.). При этом оценки самого сельскохозяйственного производства и причины, связанные с агротехникой, рассматриваются в последнюю очередь. В качестве таковых причин низкого урожая и голода, связанных непосредственно с агротехникой, обычно указывается уменьшение площади посевов, снижение нормы высева культур, затянутая весенняя посевная кампания и, соответственно, посев культур в неоптимальные сроки, а засоренность посевов анализируется в послед-

нюю очередь [1, с. 104–105]. При этом нарушения агротехники являются в том числе и факторами, способствующими вспышкам размножения вредителей и болезней (эпифитотиям и эпизоотиям), значительно усугубляющими неурожай. То есть объективно прогнозируемый низкий урожай при нарушении агротехники может оказаться гораздо ниже, а продукция растениеводства будет низкого качества и непригодной в пищу и переработку из-за фитопатологических факторов. Кроме того, если сорная растительность хотя бы упоминается, пусть и на одном из последних мест, в качестве фактора кризиса сельхозпроизводства и голода, то другие фитопатологические факторы, а также вредители сельскохозяйственных культур практически не рассматриваются. С другой стороны, в блогосфере сети Интернет до-